

УДК 93
ББК 63.3 (2) 622-4

ПРАВОВОЙ СТАТУС СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СССР В 40–50-е гг. XX в.

И. В. Лиджиева

В годы Великой Отечественной войны советское государство, обрекая ряд народов на физическое и моральное уничтожение, насильственное переселение в районы с суровыми климатическими условиями и ликвидировав их национально-государственные образования, не ограничилось этим. Высшими органами советской власти, обладавшими правом законодательной инициативы, был принят ряд указов и постановлений, определяющих ограниченный правовой режим спецпереселенцев, условия их проживания и трудоустройства.

Многие из проблем, с которыми столкнулись спецпереселенцы на местах, были связаны с неопределенностью их статуса: с одной стороны, они были «наказаны» и сосланы на спецпоселение, с другой стороны, официально они не были лишены гражданских прав. Отсутствие нормативной базы, определявшей статус спецпереселенцев, часто приводило к тому, что местные органы советской власти рассматривали всех депортированных как опасных и неблагонадежных лиц: спецпереселенцев не принимали в ряды ВЛКСМ, ВКП(б), не призывали на службу в Красную Армию.

Одной из важных проблем стало воссоединение семей, расселенных порой по разным уголкам востока страны. Дисперсное расселение депортированных калмыков привело к тому, что члены одной и той же семьи оказывались в местах высылки в разных районах, областях, краях, республиках. В связи с этим была принята директива НКВД СССР от 9 сентября 1944 г. «О соединении разрозненных семей калмыков», которая должна была способствовать прочности оседания людей в местах высылки. Так, в приказе МВД СССР от 2 августа 1948 г. говорилось: «Некоторые МВД–УМВД, недопонимая важности соединения разрозненных семей, под всяким предлогом препятствуют выезду спецпоселенцев к своим семьям в другие республики края и области» [ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 573. Л. 231].

В 1944 г. был принят ряд постановлений директивных органов, касавшихся устройства жизни спецпоселенцев: распоряжение СНК СССР «Об обучении детей спецпереселенцев на русском языке» № 13287-рс от 20 июня 1944 г.; «О снятии с учета спецпоселенных бывших сотрудников НКГБ и НКВД», а в сентябре — «О порядке оформления на работу бывших сотрудников НКВД–НКГБ, относящихся к переселенным национальностям» [ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 207. Б/л], «О выдаче скота и продзерна спецпереселенцам — карачаевцам, чеченцам, ингушам и другим в обмен за принятый у них скот и зерно в местах выселения» № 9452-рс от 29 мая 1944 г. и др. Согласно пункту «г» ст. 10 последнего из перечисленных распоряжений, спецпереселенцы должны были получить в местах нового поселения денежную компенсацию по действующим заготовительным ценам или же, в порядке возврата, крупный рогатый скот (не выше 200 кг живого веса выделяемой условной единицы) и овец (в среднем до 33 кг живого веса) по квитанции о сдаче скота и сельскохозяйственной продукции при выселении. Ввиду принятого в качестве нормативного столь малого веса подлежащего возврату скота некоторым калмыцким семьям для получения одной полноценной дойной коровы приходилось объединяться. Однако в первые годы ссылки многие спецпереселенцы, обнищавшие и не имевшие средств уплатить налоги государству по мясо- и молокопоставкам, в судебном порядке лишались полученного в порядке возврата скота [Ссылка калмыков: как это было...1993: 154].

Трудовая деятельность спецпереселенцев регламентировалась «Правилами хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев — калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев и немцев» от 8 марта 1944 г., разработанными отделом спецпоселений ГУЛАГа НКВД СССР, в соответствии с которыми весь трудоспо-

собный спецконтингент должен был в кратчайшие сроки быть трудоустроен. Тем не менее, в отдельных районах руководители хозяйственных организаций игнорировали трудовое использование калмыков, а исполкомы райсоветов депутатов трудящихся не принимали должных мер по трудоустройству спецпереселенцев. Кроме того, трудовое устройство спецпереселенцев зависело от медицинской помощи, обеспеченности теплой одеждой и обувью, наличия детских учреждений для размещения детей спецпереселенцев. Производственное обучение спецпереселенцев часто отсутствовало, в результате чего их производительность труда составляла в первые годы ссылки 30–60 % нормы.

«Правила хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев» наделяли функцией контроля за хозяйственным и трудовым устройством спецпереселенцев отделы спецпоселений НКВД–УНКВД, а также районные и поселковые спецкомендатуры НКВД. Контроль имел целью: а) не допустить самовольный переход спецпереселенцев с одного места службы или работы на другое; б) не допустить перебросок спецпереселенцев по распоряжению администрации предприятий и учреждений с одного предприятия на другое, расположенное вне пунктов расселения спецпереселенцев; в) устранять обнаруженные недочеты в деле хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев.

Таким образом, получить квалифицированную рабочую профессию спецпоселенцам было практически невозможно, поскольку почти все заводы Сибири, за редким исключением, специализировались на выпуске военной продукции, куда депортированным по причине недоверия к ним путь был закрыт. Жесткий дискриминационный режим требовал беспрекословного подчинения, оставление без разрешения места проживания наказывалось 20 годами каторжных работ, как следствие, спецпереселенцы не могли получить рабочие профессии, для освоения которых были необходимы перемещения. Потому и материальное положение депортированных резко отличалось в худшую сторону от постоянно проживающих местных жителей.

8 января 1945 г. было принято постановление СНК СССР № 35 «О правовом положении спецпереселенцев» [Сборник 1993: 113], закрепившее принудительное тру-

доустройство и ограничение свободного передвижения. Спецпереселенцы — главы семей или лица, их замещающие, были обязаны в трехдневный срок сообщать в спецкомендатуру НКВД обо всех изменениях, происшедших в составе семьи. За нарушение режима и общественного порядка в местах поселения спецпереселенцы подвергались административному взысканию в виде штрафа до 100 руб. и ареста до 5 суток.

Согласно постановлению СНК СССР № 34–14с от 8 января 1945 г., утвердившему «Положение о спецкомендатурах НКВД» [Сборник 1999: 80], в целях предотвращения побегов спецпереселенцев с мест их поселения, а также контроля за их хозяйственно-трудовым устройством, создавались спецкомендатуры. В разделе «Общие положения» этого документа указывалось, что в своей административной и оперативной деятельности спецкомендатуры должны руководствоваться действующими законами, постановлением СНК СССР «О правовом положении спецпереселенцев», а также приказами и инструкциями НКВД СССР. По агентурно-осведомительным данным, калмыки преследовались даже за высказанную где-либо вслух мысль об обиде на советскую власть, что рассматривалось как антисоветское выступление. Будучи голыми, босыми, живя в сараях, умирая от голода, спецпереселенцы обязаны были только восхищаться властью, хвалить ее и руководство партии и государства, лично Сталина за «счастливую жизнь» [Максимов 2004: 277].

Таким образом, с первых дней спецпереселенцы фактически утратили все основные гражданские права, гарантированные Конституцией СССР. От них требовалось заниматься общественно-полезным трудом беречь государственное и общественное имущество, безоговорочно выполнять все требования работников спецкомендатур и представителей местной власти. Указанные документы, определявшие правовой статус спецпереселенцев, показывают их явную направленность к ужесточению условий проживания депортированных народов.

К документам, регламентирующим правовой статус спецпереселенцев, также относилось постановление СНК от 28 июля 1945 г. № 1927 «О льготах спецпереселенцам» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 179. Л. 17]. В нем указывалось, что все спецпереселенцы освобождались в 1945 г. и 1946 г. от

обязательных поставок сельхозпродукции государству и от уплаты сельхозналога, подоходного налога по доходам от сельского хозяйства в городских поселках.

Постановление СНК «О выселенцах», принятое 24 ноября 1948 г., значительно ужесточало меры наказания за побег. В частности, на них был распространен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни», предусматривавший наказание в виде 8 лет выселения из пределов края, области в отдаленные места, перечень которых был установлен Советом Министров СССР. В спецкомендатурах был создан посемейный и индивидуальный учет спецпереселенцев, а в Якутской АССР и Красноярском крае было создано несколько режимных поселений для тех из них, кто, по сведениям оперативников, отличался повышенной склонностью к побегу. Этим документом закреплялось полное бесправие людей и депортированных народов.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны», а также Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1951 г. «О навечном поселении лиц, выселенных в период Великой Отечественной войны», подтверждалось, что депортированные народы переселены навечно. Принятие Указов аргументировалось тем, что во время переселения не были определены сроки их высылки. За выезд спецпереселенцев с мест поселения без особого разрешения МВД СССР полагались каторжные работы сроком на 20 лет.

Следующей мерой по усилению наказания за побег спецпереселенцев явился приказ Министерства внутренних дел СССР и Генеральной прокуратуры СССР от 22 декабря 1948 г. «О порядке привлечения к уголовной ответственности выселенцев за побег с места поселения и уклонения от общественно-полезных работ». Данным приказом закреплялось навечно переселение лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Великой Отечественной войны.

С выходом этих законодательных актов спецпереселенцы получили новое статусное наименование «выселенцы»; с каждого выселенца сотрудник МВД брал расписку об ознакомлении с Указами Президиума ВС СССР от 26 ноября 1948 г. и 9 октября 1951 г. Из 2,3 млн человек, находившихся в это время на спецпоселении, к категории «выселенцев» относилось более 1, 8 млн или 80 % [Полян 2001: 124]. К тому же, после 11 марта 1952 г., когда был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О направлении на спецпоселение отбывших наказание осужденных, члены семей которых находятся на спецпоселении» [ГА РФ. Ф. Р- 7523. Оп. 57. Д. 588. Л. 1], состав контингента пополнился за счет репрессированных этнических и социальных групп, которые до тех пор отбывали свое наказание в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа. К этому времени объективно назрели предпосылки хотя бы частичной реабилитации депортированных народов. Противоречивость их гражданского и социального статуса становилась все очевиднее. Указанные законодательные акты 1940 – начала 1950-х гг. явно противоречили Конституции СССР (1936 г.) и являлись нарушением международных документов, гарантирующих права и свободы человека, а также противоречили официально провозглашенным советским государством принципам национальной политики.

Осознать мир тоталитарной системы таким, каков он есть на самом деле, означает навсегда потерять спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. Конечно, несмотря на глобальную ложь пропаганды, наиболее интересные и внутренне независимые люди сохраняют собственную точку зрения на общество и свою судьбу в нем [Гозман, Эткинд 1989: 343]. В донесениях спецкомендантов, сводках спецкомендатур по каждой области и краю приводились десятки фактов мужественного выступления калмыков в защиту поправленных прав своего народа и поплатившихся за это, в свою очередь, собственной «свободой». За смелые выступления с осуждением выселения калмыков в Сибирь пострадал, к примеру, один из героев Брестской крепости — Н. К. Санджиев, осужденный 8 декабря 1944 г. Алтайским крайсудом на 5 лет лишения свободы по обвинению в «антисоветской агитации среди калмыцкого населения на лесопункте, в восхвалении немецкой армии и пораженческих

высказываниях» [Ссылка калмыков: как это было...1993: 81].

Таким образом, правовой статус выселенных народов находился вне каких-либо общечеловеческих норм цивилизованного мира. В правах, гарантированных гражданам страны Конституцией СССР 1936 г., все репрессированные народы были по произволу властей ограничены в правах, что не было оговорено официально. Но, несмотря на допущенную жестокую несправедливость, благодаря силе духа, природной стойкости, народной мудрости репрессированные народы, в том числе и калмыки, изгнанные из родных мест, в суровых условиях Сибири смогли выстоять.

Только в начале 1950-х гг. наметились определенные сдвиги в судьбе спецпереселенцев. Первое реальное послабление произошло в 1954 г. По поручению Секретариата ЦК КПСС в феврале 1954 г. была создана комиссия под председательством К. Е. Ворошилова, которая рассмотрела вопрос о снятии с учета и освобождении из-под административного надзора органами МВД находящихся на спецпоселении участников Великой Отечественной войны, награжденных орденами и медалями СССР, а также членов семей воинов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Комиссия пришла к выводу о том, что нецелесообразно сохранять некоторые ограничения, установленные для спецпереселенцев и отрицательно сказывавшиеся на судьбах молодых спецпереселенцев, которых брали на учет по достижении 16 лет, со всеми вытекающими из этого ограничениями.

Результатом работы комиссии стало принятие постановления Совета Министров СССР от 3 мая 1954 г. «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпереселенцев» [Сборник 1999: 263–264], в котором отмечалось, что в результате дальнейшего упрочения советской власти и включения основной массы спецпереселенцев в хозяйственную и культурную жизнь районов их нового проживания необходимость применения к ним правовых ограничений отпала. Согласно данному постановлению, были сняты с учета спецпоселения дети старше 16 лет, принятые и направленные в учебные заведения, им также разрешался выезд к месту учебы в любой пункт страны, отменены были и административные меры наказания за нарушение режима в местах поселения. Это был первый шаг к измене-

нию гражданско-правового статуса депортированных народов. Формально с учета по спецпоселениям их еще не сняли, освобождение в значительной степени было условным: в массе своей дети продолжали жить со своими родителями.

Указом Президиума Верховного Совета от 13 июля 1954 г. № 104/43 отменялось действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» [ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 72. Д. 174. Л. 176], а в сентябре 1954 г. было принято постановление Пленума Верховного Суда СССР «О порядке пересмотра дел в отношении лиц, осужденных за побег из мест заключения или из мест обязательного и постоянного поселения». Принятие этих законодательных актов изменило особое отношение к побегам спецпереселенцев, и с этого времени в случае побега они подлежали привлечению к уголовной ответственности на общих основаниях по ст. 82 (ч. 1) УК РСФСР и по соответствующим Уголовным кодексам других союзных республик (до трех лет лишения свободы). На практике же задержанные беглецы крайне редко привлекались к уголовной ответственности и, как правило, отделялись взысканиями в административном порядке. В 1953 году было осуждено за побег — 56, а в 1954 г. — только 25 спецпереселенцев. Были пересмотрены приговоры и в отношении спецпереселенцев, ранее осужденных за побег [ГА РФ Ф. 9479. Оп. 1. Д. 900. Л. 172]. Однако калмыки, как и другие репрессированные народы, оставались на правах спецпереселенцев, состоящих на учете в спецкомендатурах под административным надзором. Вместо ежемесячной личной явки на регистрацию в органы МВД вводилась регистрация раз в год.

Принятием постановления Совета Министров СССР № 449-272 с от 10 марта 1955 г. «О выдаче спецпереселенцам паспортов» [Павлова 1997: 53] советское государство в лице депортированных народов признавало своих граждан. Однако они по-прежнему оставались ущемленными в своих гражданских и политических правах. Спецпоселенцы, проживавшие в городах, районных центрах, поселках городского типа, а также в местностях, постоянные жители которых обязаны иметь паспорта, должны

были получить паспорта с отметками в них об ограничении их места жительства. В соответствии с постановлением Президиума ЦК КПСС от 23 марта 1955 г. «О призыве на действительную военную службу некоторых категорий спецпоселенцев» [Реабилитация: как это было 2000: Т. 1 206], в 1955 г. подлежали призыву на действительную военную службу спецпоселенцы, родившиеся в 1936 г. Постановление Президиума ЦК КПСС от 9 мая 1955 г. «О снятии ограничений в правовом положении с членов и кандидатов в члены КПСС и их семей, находящихся на спецпоселении» [Реабилитация: как это было 2000: Т. 1 21], освобождало из-под административного надзора органов МВД указанные категории лиц.

Комиссия поставила вопрос о разработке практических мер по закреплению спецпереселенцев в местах их жительства, что было продиктовано недостатком рабочей силы в целом по стране, а также намечавшимся в перспективе проведением крупных мероприятий по освоению целинных и залежных земель. В связи с вышеуказанным Президиум ЦК КПСС для дальнейшего закрепления депортированных в местах поселения принял постановление от 29 июня 1955 г. «О мерах по усилению массово-политической работы среди спецпоселенцев» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 151. Л. 66; Д. 152. Л. 109–114]. Спецпоселенцев стали шире выдвигать на ответственные хозяйственные должности.

Следующим актом по освобождению из-под административного надзора органов МВД и снятию с учета спецпоселения стало постановление Президиума ЦК КПСС от 24 ноября 1955 г. «О снятии с учета некоторых категорий спецпоселенцев» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 199. Л. 21]. Речь шла об участниках Великой Отечественной войны, членах семей погибших; преподавателях учебных заведений; женщинах, вступивших после выселения в законный брак с местными жителями, не являющимися спецпоселенцами; женщинах русской, украинской и других национальностей, высланных вместе с мужьями, но не находящихся в браке со спецпереселенцем на момент выхода постановления; одиноких инвалидах и лицах, страдающих неизлечимым недугом, которые не могут самостоятельно обеспечить свое существование.

7 марта 1956 г. в ЦК КПСС была направлена справка (№ 144) под грифом «се-

кретно» за подписями генерального прокурора СССР Р. Руденко, министра внутренних дел СССР Н. Дурова, председателя КГБ СССР И. Серова, зав. административным отделом ЦК КПСС К. Горшенина с предложением комиссии МВД СССР о снятии с учета спецпоселения калмыков и членов их семей. Предложение обосновывалось тем, что направление на спецпоселение калмыков было вызвано условиями военного времени и что дальнейшее применение к ним ограничения по спецпоселению не вызывается необходимостью. Уже 12 марта 1956 г. было принято постановление Президиума ЦК КПСС за № 342-216 сс «О дополнительном снятии с учета некоторых категорий спецпоселенцев» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 4. Л. 18, 55]. 17 марта 1956 г. последовал Указ «О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении» [ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 72. Д. 606], касающийся изменения их правового положения. В постановлении Президиума ЦК КПСС не исключалась возможность возвращения калмыков на родину. Между тем, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР (ст. 2), снятие указанных ограничений и освобождение из-под административного надзора органов МВД проводились без права возвращения спецпереселенцев на прежнее место жительства. Более того, с депортированных брали расписку в том, что они уведомлены о запрещении «возвращаться на прежнее место проживания и о невозврате конфискованного имущества» [ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 568. Л. 6–7]. Но, несмотря на это, отдельные группы представителей репрессированных народов начали самовольно возвращаться в места, где они проживали до выселения. Данный процесс завершился принятием законодательных актов, восстановивших возможность проживания выселенных народов на их родине.

Таким образом, акции по принудительному переселению, предпринятые в 1940–1950-х гг. в СССР, спровоцировали создание нормативно-правовой базы, противоречившей основным положениям Конституции СССР. Было проявлено полное пренебрежение к правам как отдельной личности, так и целых народов. Анализ законодательного процесса советского государства в отношении депортированных народов в 1940–1950-х гг. позволяет сделать вывод о том,

что грубое нарушение прав и свобод человека в Советском Союзе стало возможным в

условиях тоталитарного режима, утвердившегося в обществе в указанный период.

Источники

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).

Литература

Гозман Л., Эткинд А. Культ власти // Осмыслить культ Сталина. М.: Прогресс, 1989. С. 337–339.

Максимов К. Н. Трагедия народа. Репрессии в Калмыкии в 1918–1940-е годы. М.: Наука, 2004. 311 с.

Павлова Т. Ф. Репрессии против народов: документы Государственного Архива Российской Федерации свидетельствуют // Народы России: проблемы депортации и реабилита-

ции / под ред. Д. Х. Микулова. Майкоп: Мелоты, 1997. 197 с.

Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ – Мемориал, 2001. 328 с.

Реабилитация: как это было. Март 1953 – февраль 1956 гг. Т. 1. М.: МФД, 2000. 960 с.

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / отв. за вып. Е. А. Зайцев. М.: Республика, 1993. 224 с.

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий: в 2-х ч. / сост. Г. Ф. Весновской, В. А. Щепачова. Курск: ГУИПП Курск, 1999. 352 с.

Ссылка калмыков: как это было... Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. Т. 1. Кн. 1. 264 с.

Sources

[The Russian State Archives of Modern History]. (In Russ.)

[The State Archives of the Russian Federation]. (In Russ.)

References

[The Collection of Legislative and Regulatory Acts on Repression and Rehabilitation of Victims of Political Repression]. E. A. Zaitsev (ed.). Moscow: Respublika, 1993. 224 p. (In Russ.)

[The Collection of Legislative and Regulatory Acts on the Repression and Rehabilitation of Victims of Political Repression]. In 2 parts. G. F. Vesnovskaya, V. A. Shchepakov (compl.). Kursk: Kursk, 1999. 352 p. (In Russ.)

[The Exile of Kalmyks: How It Was...]. Elista: Kalm. Book Publ., 1993. Vol. 1. Book 1. 264 p. (In Russ.)

Gozman L., Atkind A. [Cult of Power]. In: [Reflecting on the Cult of Stalin]. Moscow: Progress, 1989. Pp. 337–339. (In Russ.)

Maksimov K. N. [Tragedy of the People. Repressions in Kalmykia in 1918–1940s]. Moscow: Nauka, 2004. 311 p. (In Russ.)

Pavlova T. F. [Repressions against Nations: Documents of State Archive of Russian Federation Testify]. In: [Peoples of Russia: Problems of Deportation and Rehabilitation]. D. Kh. Mikulov. Maykop: Meoty, 1997. 197 p. (In Russ.)

Polyan P. [Against their Will... History and Geography of Forced Migration in the USSR]. Moscow: OGI — Memorial, 2001. 328 p. (In Russ.)

[Rehabilitation: How it was. March, 1953 – February, 1956]. Vol. 1. Moscow: MFD, 2000. 960 p. (In Russ.)